

Б. С. Жаров

ПЕРВАЯ РУССКАЯ ГРАММАТИКА ИСЛАНДСКОГО ЯЗЫКА СТЕФАНА САБИНИНА (1849)

Знакомству российского читателя с Исландией и ее культурой исполняется 250 лет. Самая ранняя из зафиксированных русских публикаций относится к 1755 г. В февральском номере петербургского журнала «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» на с. 123–138 появился материал И. Е. Фишера под названием «Рассуждения о гиперборейцах, или о народе, за севером находящемся». Борей — греческий бог северного ветра. Гиперборейцами в Древней Греции называли все народы, жившие за цепью гор, составлявших северную границу этой страны. Впоследствии так стали называть жителей севера Европы. В материале речь шла о заселении Скандинавских стран в целом и Исландии в частности.

Позже, в 1785 г., в Петербурге появился в переводе с французского двухтомный труд известного швейцарского ученого Поля-Анри Малле, длительное время жившего в Копенгагене при королевском дворе и ознакомившего затем остальную часть Европы с историей Скандинавии. По-русски работа получила название «Введение в историю датскую, в котором рассуждается о вере, законах, нравах, нравах и обыкновениях (обычаях. — Б. Ж.) древних датчан». Там, в частности, шла речь и об Исландии, поскольку это был период, когда королевство Дания включало также современную Норвегию и Исландию. Среди глав т. 1 были, например, такие: «Общее понятие о древней вере северных народов, а особливо скандинавов от Одина. Следствие веры северных народов, а особливо их служения», «О морских походах древних датчан; открытие Исландии, Гренландии и неизвестной страны, называемой Винланд». В т. 2 содержались образцы древнескандинавской литературы. Здесь на русском языке впервые были опубликованы отрывки из «Стар-

шей Эдды» под названием «Едда, или Иконословие кельтское», в частности «Гавамааль, или Высокое слово».

Книга произвела сильнейшее впечатление на русских читателей. Вот что писал позже, в начале XIX в., поэт Федор Глинка в известном военном дневнике «Письма русского офицера»: «Все сии доводы о наших самоучках должны служить неоспоримым доказательством чужеземным умствованиям, что и в Гиперборейской стране, и в России могут родиться изобретательные умы и процветать дарования. Не только науки, но и музы не разбирают климатов. Нужен ли к сему пример какого-нибудь иностранного автора? — Вот он: Малле повествует, что многие норвежцы, не стерпя рабства в правление одного из древних своих королей, ушли на остров Исландию. Там-то, на самом краю Северного моря — насадили они древо свободы, которое через долгое время зелено в благоустроенной их республике. Все лучшие историки и поэты Севера родились в Исландии: свобода и музы водворяли счастье на льдистых берегах ее. Поэзия рассыпала там цветы свои, и лиры скальдов воспевали героев, славу и любовь! Следовательно, и там, где иногда замерзает груть, страсти и воображение никогда не остывают!»¹.

В конце XVIII в., и особенно в первой половине XIX в., в России появилось большое количество книг и статей об Исландии, переводов и переделок произведений древнескандинавской литературы. Следует отметить, что в первое время в большинстве своем авторами были иностранцы, а перевод древнеисландских текстов тогда и даже позже давался через третий язык, чаще всего французский или немецкий.

Зачастую в переводах встречались разного рода неточности. Так, вышеупомянутый Малле встретил в исландском оригинале некое место, где скандинавские воины, павшие в битвах, пьют хмельные напитки из гнутых деревьев лба зверя, т. е. из рога, что, в общем, довольно тривиально (из чего же еще пить?). Во французском же переводе сказано, что павшие герои пили эти напитки из черепа убитого врага, что звучит устрашающе. Вот это и перешло в русский текст и впоследствии не раз воспроизводилось в переводах и пересказах.

Только в XIX в. у одного россиянина появилась возможность изучить в полной мере язык, на котором были созданы древнескандинавские памятники, и опубликовать первую на русском языке книгу

¹ Глинка Ф. Письма русского офицера о Польше, австрийских владениях, Пруссии и Франции с подробным описанием похода россиян против французов в 1805 и 1806, также Отечественной и заграничной войны с 1812 по 1815 год. М., 1815. Ч. 2. С. 116–117.

об исландском языке. Этим человеком был Стефан Карпович Сабинин (1789–1863)².

С. К. Сабинин родился в Воронежской губернии, был сыном дьячка. Поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию и, закончив ее, получил степень магистра. По-видимому, уже в Академии он проявил заметные лингвистические способности, поскольку по окончании был оставлен в ней преподавателем на кафедре немецкого языка.

В 1823 г. он уже настолько выделялся среди других преподавателей, что был назначен священником в русскую посольскую церковь в Копенгаген. Естественно, священников, владевших датским языком, среди претендентов не было, и предпочтение было оказано ему как человеку, хорошо знавшему немецкий. Если бы назначавшие его знали, насколько удачным окажется этот выбор! С. К. Сабинин пробыл в Копенгагене 14 лет. Известно, что в этот период он был занят серьезной богословской деятельностью, свидетельством чего являются многочисленные филологические исследования об отдельных местах Ветхого Завета и переводы целых книг его на русский язык, в том числе в стихотворной форме.

Но поразительно то, что С. К. Сабинин одновременно нашел время, чтобы глубоко заняться литературой и языком древней Скандинавии. Он общался в Дании с крупнейшими филологами и историками и постоянно посещал собрания научных обществ, в частности, был знаком с великим датским лингвистом, основоположником сравнительно-исторического языкознания Расмусом Кристианом (Эразм Христиан — так называет его Сабинин) Раском (1787–1832), который после длительного пребывания в Исландии блестяще владел исландским языком, не говоря уж о том, что знал и множество других языков.

В 1837 г. С. К. Сабинин переехал на жительство в Веймар, поскольку перешел на новую службу. Он стал протоиреем, т. е. настоятелем православного придворного храма, а также духовником великой княгини Марии Павловны, дочери Павла I, супруги великого герцога Саксен-Веймар-Эйзенахского. В обязанности духовника, в частности, входило прочитывать книги и давать о них отзывы великой княгине. По-видимому, духовник не очень был занят на этой работе, так как очень скоро перезнакомился со множеством немецких ученых, стал обсуждать с ними самые различные вопросы и писать рецензии на все немец-

² Биографические данные о С. К. Сабинине приводятся по: 1) *Энциклопедический словарь*. СПб.: Брокгауз и Ефрон, 1899. Т. 27. С. 14–15; 2) *Русский биографический словарь*. СПб., 1904. Т. «Сабанеев — Смыслов». С. 7–9.

кие книги, так или иначе касавшиеся России. Кроме того, он полюбил немецкую поэзию и принимал у себя дома местных и заезжих поэтов, художников, ученых, музыкантов, литераторов.

При этом С. К. Сабинин продолжал интенсивно общаться с датскими учеными. Больше того, в 1843 г. он был избран в члены датского Королевского общества северных антиквариев и Комитета для изучения древнерусской истории. Можно думать, что он совершал частые поездки из Веймара в Копенгаген, поскольку утверждается, что «в собраниях как общества, так и комитета он постоянно присутствовал»³.

Уже находясь в Веймаре, С. К. Сабинин продолжал заниматься переводами с древнеисландского языка и даже опубликовал, в частности, «Извлечения из Саги Олава, сына Триггвиева, короля норвежского» в «Русском историческом сборнике» в 1840 г.⁴

Во время занятий исландским языком он делал — в принципе, только для себя — многочисленные записи, но наступил момент, когда по инициативе Санкт-Петербургской Академии наук этот материал был собран и опубликован. Следует отметить, что С. К. Сабинин больше любил писать, чем добиваться опубликования своих трудов. Во всяком случае, после его смерти в архив Санкт-Петербургской духовной академии попало большое количество его неопубликованных работ, судьба которых ныне неизвестна.

В 1849 г. в Петербурге вышла его книга — первая в России книга об исландском языке. Это была большая, в 240 страниц, «Грамматика исландского языка»⁵. Труд обширный и разносторонний.

Книга открывается чрезвычайно высокой оценкой всего написанного на исландском языке: «В наше время нет нужды говорить о пользе исландского языка... Мифология севера, заключающаяся в Эддах, находится в родстве почти со всеми мифологиями мира и, с одной стороны,

³ Энциклопедический словарь. Т. 27. С. 14.

⁴ Извлечения из Саги Олава, сына Триггвиева, короля норвежского / Пер., предисл. и примеч. С. Сабинина // Русский исторический сборник. СПб., 1840. Кн. 7. С. 3–10 (Отд. 3). Этот перевод позже был дважды воспроизведен в кн.: 1) *Образцовые произведения скандинавской поэзии* в переводах русских писателей. Воронеж, 1875; 2) *Древнесеверные саги и песни скальдов* в переводах русских писателей. СПб., 1903.

⁵ Полное название книги — «Грамматика исландского языка, составленная духовником Ее Императорского Высочества Государыни Великой Княгини Марии Павловны протоиереем Придворной Росийской православной в Веймаре церкви Стефаном Сабининым». СПб.: В типографии Императорской академии наук, 1849. X + 230 с.

объясняется ими, а с другой — поясняет их. Исландские саги, оцененные и разделенные на исторические и баснословные... разливают теперь свет на истории многих народов земли и дополняют их собою... В самом деле, где не бывал некогда норманн, или как союзник, или как враг и опустошитель?.. Исландская литература — литература очень многосторонняя и очень поучительная во многих отношениях» (III–IV)⁶. «Для нас — славяноруссов — исландский язык имеет еще ту выгоду, что как в мифологических, так и в исторических памятниках его находится очень много такого, что поясняет и дополняет мифологию и древнюю историю России» (VI). Последнее представляло для автора значительный интерес, поскольку среди его наследия много работ, касающихся истории как России в целом, так и отдельных народов (статьи о хазарах, печенегах, финнах, половцах и т. д.).

Особой похвалы автора книги заслуживает язык: «Язык исландский сам по себе, как язык чрезвычайно богатый и чрезвычайно благозвучный, в полной мере достоин внимания филологов. Исландский язык — язык чрезвычайно богатый. С его богатством, особенно у стихотворцев, едва ли могут равняться богатства других известных языков» (IV). «Слух исландца приучен к благозвучию и гармонии» (VI). В книге исландский язык сравнивается с немецким, причем оценка не пользу последнего: исландский «совсем не производит той шероховатости, какую производит немецкий» (VI).

Следует отметить, что автор не делит четко рассматриваемый им исландский язык на древнеисландский и современный исландский. Такое деление естественно для лингвистов нашего времени, поскольку, несмотря на значительное сходство, позволяющее исландцам до сих пор — почти без затруднений — читать древние саги, между этими языками наблюдается и заметное различие. Для С. К. Сабинаина главным были тексты — памятники древней литературы, и он, естественно, рассматривает их язык, «древнесеверный, или исландский». В другом месте он говорит о памятниках и упоминает «древнейший исландский». В то же время он понимает, что есть «исландцы настоящего времени». В области фонетики он — несомненно, вслед за Раском — описывает современное ему произношение, в частности дифтонгизацию долгих гласных.

Первая глава книги «Искусство писания» очень подробно рассматривает сначала написание и звуковое значение рунических знаков, ко-

⁶ Цитаты из «Грамматики исландского языка» С. К. Сабинаина приводятся в данной статье с указанием страниц в скобках в тексте. Римские цифры — страницы авторского предисловия.

которые были мало известны российской читающей публике, а затем переходит к латинскому алфавиту.

Фонетика анализируется в главе «Разделение и произношение букв». В области фонетики исландский язык заслуживает больших похвал автора: «Произношение древнесеверное было вообще широко, звучно, правильно и определено» (19). Поскольку автор много лет находился в Копенгагене, он как человек лингвистически одаренный вполне мог свободно владеть датским языком или уж во всяком случае безусловно был хорошо знаком с ним. Возникает подозрение, что такая характеристика произношения древнеисландского языка есть камешек в огороде датского в связи с неотчетливостью, большим количеством щелевых согласных и богатым сонантизмом последнего.

Для того чтобы описать неизвестный российским читателям язык, С. К. Сабинин был вынужден не только использовать существовавший лингвистический аппарат, но и создавать свой собственный, как видно из последующего, с переменным успехом.

Во многих случаях за его терминами легко обнаруживаются общепринятые современные понятия. Вот, например, описание гласных: «*i* произносится так же, как и *i*, но только протяжно, как будто оно было двойное» (12). Понятно, что «протяжно» произнесенный гласный — это долгий. «Как гласные, так и дwoегласные, по своему выговору разделяются на твердые и мягкие» (12). «Dwoегласные» объединяют две ипостаси: «твердые» — это нисходящие дифтонги, а «мягкие» — гласные, которые произносятся с предшествующим *j*, т. е. восходящие дифтонги.

В области классификации согласных (13) вопросов у современного читателя несколько больше.

«Согласные буквы делятся на

1. Беззвучные, или немые

	губные	язычные	поднебные
твердые	p, f	t, þ	k, h
мягкие	b, v	d, ð	g, j
2. Таемые

	m, n	l, r	s, z
--	------	------	------
3. Сложные

	x, (z)».
--	----------

То, что звуки называются здесь буквами, совершенно понятно: в то время и не могло быть иначе. Очевидно также разделение звуков по месту произнесения: на 1) «губные», 2) «язычные», т. е. переднеязычные и 3) «поднебные» — это, естественно, заднеязычные, но к ним

заодно автором отнесены и s, z, поскольку в чистые переднеязычные они не вписались.

Несколько менее понятно разделение согласных, которое можно было бы считать классификацией по способу образования. В первую группу «беззвучные, или немые» входят все смычные, очевидно потому, что во время смычки звучания не наблюдается. Но почему сюда же попала часть щелевых: f, v, þ, ð, h, j?

Вторая группа вообще загадочная: «таемые» — это оставшаяся часть щелевых: m, n, l, r, s, z. Что означало тогда слово «таемый» точно, выяснить не удалось ни по одному доступному словарю того времени, понятно только, что его этимология связана с «тайной», значит, похоже на что-то вроде «скрытый, тайный, потайной». Почему? Не совсем ясно также, какова логика в отнесении к разным группам по способу образования, например, v и l. «Твердые» можно считать синонимом глухих, а «мягкие» — звонких.

Третья группа, «сложные», включает вполне логично x, произносимое как k + s, и, хотя и в скобках, вторично z, звучащее как t + s.

Следует, однако, признать, что классификация звуков — по сути дела единственное место, которое сейчас, полтора века спустя, может вызвать довольно серьезные возражения. Описание же отдельных звуков с примерами и параллелями в русском («российском», как говорит автор) языке или в других языках сделано в принципе правильно.

Что касается описания изменений звуков, приведенное в главе III «О перемене звуков или гласных в образовании и изменении слов», столь характерных для исландского языка, то оно дано весьма грамотно и полно.

В области грамматики С. К. Сабинин описывает материал очень последовательно и четко. При желании вполне можно на основании этого описания освоить склонение существительных и прилагательных или спряжение глаголов и сегодня. «Имена существительные относительно к склонениям делятся на два главные рода, на *открытый* и *сокрытый*. Первый прост и правилен, последний искусственнее и запутаннее, первый, объемля собою имена, кончающиеся на гласные, имеет только один образ изменения, или одно склонение, последний, держа в себе имена, кончающиеся на согласные, также на гласные и дwoегласные, имеет два образа изменения, или два склонения» (29–30). Видно, что и здесь также автор занимается использованием своих терминов, которые, в принципе, вполне понятны. Но современный читатель споткнется, например, на пассаже в параграфе об артикле: «Соединение имен существительных с членом состоит в простом совокуплении оных с членом определенным hit, hinn, hin...» (60).

У глаголов различаются «открытый главный род» (102), т. е. глаголы слабого спряжения, и «сокрытый главный род» (103), т. е. сильного спряжения.

Привлекает внимание автора легкость образования сложных слов: «Сложность, или соединение двух слов в одно, простирается в исландском языке до бесконечности. В нем встречаются всевозможные слова. Имена существительные сливаются с именами существительными и прилагательными, иногда с глаголами; прилагательные в свою очередь приемлют к себе как существительные, так и прилагательные...» (178).

Синтаксические проблемы рассматриваются в разделе «Словосочинение» (184). Здесь, как и в других местах, привлекают внимание многочисленные ссылки на готский, шведский и другие языки, хорошо знакомые автору.

Помимо описания собственно языковых явлений книга содержала также раздел, в котором речь идет о литературе, написанной на древнеисландском языке. В наибольшей степени автору интересна древняя скандинавская поэзия. Этому вопросу посвящено «Отделение пятое. Древняя поэзия исландцев».

В главе XVII «Различные роды стихотворений» подробнейшим образом рассматриваются разные роды стихотворений, героические и народные. Говорится, в частности, о «буквенной рифме», т. е. аллитерации, строчной и конечной рифме, количестве строк, слогов и т. д. А в главе XVIII «Грамматические особенности древнейшего исландского, особенно стихотворческого языка» речь идет о тех особых формах слов и явлений синтаксиса, которые характерны только для стихов.

Стефан Карпович Сабинин был выдающимся человеком, одним из образованнейших людей своего времени. И хотя скандинавская филология была для него не самым главным делом, он оставил в этой науке очень заметный след.

B. S. Zharov

STEFAN SABININS FØRSTE ISLANDSKE GRAMMATIK PÅ RUSSISK (1849)

Ruslands publikum fik det første kendskab til Island for 250 år siden. Et litterært tidsskrift i Sankt Petersborg offentliggjorde en artikel i 1755, hvor der stod meget om Islands befolkning, litteratur og sprog. I 1700-tallet og i de første årtier af 1800-tallet blev artiklerne og bøgerne om Island skrevet af udlændinge. Den første russer, som kunne islandsk og udgav dette sprogs grammatik, var Stefan Karpovitj Sabinin (1789–

1863). Han var en russisk ortodoks præst; som var ansat ved Det russiske ambassades kirke i København 1823–1837 og senere ved en ortodoks kirke ved hoffet i Weimar. Han skrev mange teologiske artikler og gjorde oversættelser af Det gamle Testamente. Under sit ophold i København lærte han Rasmus Kristian Rask samt andre kendte filologer at kende og stiftede bekendtskab med oldnordisk litteratur og lærte Islandsk. Artiklen fortæller om Stefan Sabinins bog «Islandsk grammatik» (Skt. Petersborg, 1849, X + 230 sider).